

УДК: 93

DOI: 10.25629/НС.2022.12.08

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «МИРЕ» И «РАТИ» В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Часовитина О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье прослеживается ранняя история представлений о «мире» и «рати», как о взаимно обусловленной паре понятий «мир» – «война». На материале ключевых памятников древнерусской книжности и летописных известий выделены черты, характеризующие эти представления в качестве важной составляющей политической и духовной культуры своего времени.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусская книжность, воинская культура, Владимир Мономах, Григорий Богослов, патристика, византийское богословие.

Историки, изучая отдаленную во времени эпоху, вновь и вновь подходят к кругу вопросов об особенностях картины мира, системы мышления, жизненных взглядов и значимых эмоций людей прошлого. Разумеется, сохранившиеся источники не могут дать исследователю полное представление о развитии этических взглядов и идей людей домонгольской Руси. Но все же обнаруживаемые в источниках данные помогают получить общее впечатление о важнейших чертах средневекового мышления.

Статья посвящена особенностям представлений о «мире» и «рати» в Древней Руси. Речь пойдет не только об этих понятиях по отдельности, но и о них как о содержательной паре понятий, которые необходимо рассматривать во взаимосвязи.

«Миръ» в Словаре русского языка XI-XVII вв. представлен как два полностью омонимичных, то есть одинаковых по звучанию и написанию, слова. Первое имеет такие значения:

- мир, вселенная (κόσμος);
- земля;
- человечество, люди;
- среда мирян, людей, живущих в обществе, не принадлежащих к духовенству;
- община (крестьянская, посадская, городская, церковная).

Второе:

- спокойствие, покой, тишина (εἰρήνη);
- согласие, отсутствие разногласий, благожелательность, дружелюбие;
- отсутствие войны, состояние мирных отношений;
- мирный договор;
- примирение сторон в тяжбе и соответствующий документ [36, С. 165-167].

Слово «рать» имеет основное значение и несколько дополнительных, связанных с основным.

Словарь русского языка XI-XVII вв. так раскрывает значение слова «рать»:

- война;
- бой, битва, сражение;
- нападение, набег, нашествие;
- раздор, несогласие, распря;
- внутренняя борьба;

- противник, неприятель;
- войско, рать [37, С. 118-119].

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» добавляет к этому ещё такие значения:

- вражда, ненависть, неприязнь.
- военный поход;
- междоусобная война, мятеж, восстание;
- нападки, козни [11, С. 27-30].

В историографии затрагивались отдельные вопросы, связанные с темой статьи. Для XIX в., начиная с Н.М. Карамзина, было характерно внимание к военной истории – к «ратям» – и к описаниям «воинственного духа» древнерусских воинов и их правителей [17, С. 478]. Гораздо более редкие обращения историков к «миру» в источниках, как правило, служили задачам изучения либо военной истории, либо истории права древнерусского государства.

М.П. Погодин привел выявленные в летописных текстах цитаты с упоминанием «рати», относящиеся к XI-XIII вв., при этом часть цитат включала и упоминания «мира» [29, С. 241-243]. Историк отметил, что в летописях словом «рать» преимущественно обозначалась война, но иногда оно имело и значение «войско». Отбирая данные для публикации, он надеялся на то, что они послужат материалом для теоретических исследований других историков [29, С. 241-244; 28, С. V-VII].

В.И. Сергеевич, исследуя по данным летописей властные права и полномочия и порядок действий веча и князя, предположил, что вече обладало правом решения вопроса о войне и мире [34, С. 80-82].

А.Н. Сахаров коснулся связи византийской идеи «мира» между государственными образованиями с текстами русских договоров с Византией, сохранившихся в составе Повести временных лет [33, С. 67, 129-131, 165-166, 255, 257].

Комментируя значение второго слова «миръ», Я.Н. Шапов отметил, что оно «обозначало и отсутствие войны, и договор («рядь»), соглашение между сторонами, учитывающее требования каждой из них, и дружбу, хорошие отношения между правителями и странами, т.е. больше, чем только отношения, определяемые договором». Историк подчеркнул и более широкое значение слова «миръ» – покой, в смысле безопасности от вторжений [45, С. 11]. Таким образом, все оттенки смысла слова виделись историку как дополняющие друг друга, если оно обозначало политическую реальность мира между вчерашними соперниками. Кроме того, в статьях Я.Н. Шапова впервые была поставлена проблема изучения древнерусских понятий «миръ» и «рать», как парных. Значительное внимание историк уделил представлениям о «мире» и летописной формуле «миръ стоит до рати, а рать до мира» [46; 45].

П.С. Стефанович посвятил две статьи исследованию летописного известия о древнейшей дани Новгорода в Киев, которая выплачивалась «мира деля» [39; 38].

Т.Л. Вилкул коснулась повседневного выражения представлений о мире и рати в социально-политической жизни древнерусских городов, рассмотрев случаи урегулирования вечниками и князьями вопросов объявления войны и заключения мира [10, С. 299-306].

А.В. Лаушкин отметил параллель между осуждением «рати» в тексте «Поучения о казнях Божьих» в составе Повести временных лет и словами князя Владимира Мономаха о «ратях», придя к заключению, что отрицательные отзывы с демонологическими мотивами связаны с упоминаниями «ратей», происходивших между близкими родственниками, или отличавшихся большим размахом, сопровождавшихся вероломными покушениями, этическими нарушениями [20].

Е.А. Мельникова посвятила исследование сравнению текстов описаний клятв как ритуалов заключения мира на Руси и в Исландии [23].

Помимо исследований, освещающих понятия «миръ» и «рать», часть историографии составляют работы, в центре внимания которых находится заключение мира как такового, и касающиеся особенностей раскрытия и применения понятия «миръ» в соответствующей ситуации.

Перечисленные исследования показывают, что в Древней Руси понятия «мира» и «рати» не только составляли важную часть мировоззрения, но и были вплетены в представления о праве и власти.

В Повести временных лет, описывая первые походы русских князей на Царьград, летописец разворачивает перед читателями и слушателями картины военных противостояний, порою угрожающих благополучному существованию самой столицы ромеев, которые затем сменяются описаниями мирных переговоров, начинающихся при содействии византийских императоров.

Обстоятельства заключения договоров описываются в следующих выражениях летописца и речах князей и послов, вероятно добавленных в текст летописцем: «миръ творити», «миръ сотвориста», «сотвориша миръ», «построити мира», «створимъ миръ со царемъ» [27, С. 17, 20, 23, 34]. В этих выражениях подтверждается активная, созидательная роль правителей в заключении мира.

В тексте договора князя Игоря также содержится диспозиция «И от тѣхъ заповѣдано обновити ветхий миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разореный» [27, С. 34]. Христианская греческая риторика описывает нарушение прежнего, «ветхого мира» как событие, возникшее по причине происков дьявола и его нелюбви к добру, таким образом косвенно указывая на отсутствие взаимных претензий у договаривающихся сторон и на их склонность к добру. Через тексты договоров византийские понятия делались предметом внимания представителей древнерусской правящей элиты.

А.Н. Сахаров, изучая значение упоминаний «мира» в текстах русских договоров с Византией, сохранившихся в составе Повести, высказался против устоявшегося ранее в историографии мнения об абстрактном и протокольном характере формул, упоминающих «мир» и «любовь». По его мнению, мысль о мирных договорных отношениях между государствами традиционна для греко-римской культуры: «эта мысль сопутствовала всем мирным договорам, которые либо восстанавливали прерванные войной отношения, либо открывали заново мирный этап в отношениях Византии с соседями» [33, С. 59-82, 129-131, 165-180, 239-257]. Разумеется, неправомерно приписывать одной Византии инициативу заключения мира и полностью отнести составление текстов договоров к усилиям греческой стороны. По предположению Е.А. Мельниковой, описания клятв в составе договоров передают ритуалы прекращения вражды традиционного языческого общества [23]. Мы можем предположить, что в описании клятвы в договоре Игоря, включающем наглядную демонстрацию разумной способности отказаться даже от прикосновения к оружию, отразилось символическое обозначение желания соблюдать мир, несущее отпечаток дохристианских представлений о мире.

Тем не менее, следует думать, что развитые представления о мире как о результате переговоров представителей власти, изложенном в международном правовом акте, в Древней Руси были восприняты под влиянием византийской политической и правовой культуры. Эти представления проникали в древнерусскую военно-аристократическую и купеческую среду, по крайней мере, со времен первых русско-византийских договоров X в. [5, С. 14; 19, С. 40-53].

Под 6504 (996/997) г. в Повести временных лет читается такое замечание о правлении князя Владимира: «Бѣ бо Володимѣръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ и о уставѣ земленем; и бѣ живя съ князи околними миромъ: съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угръскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ. И бѣ миръ межю ими и любви» [27, С. 56].

Здесь «миръ» и «ратъ» одновременно и сопоставлены, и противопоставлены. Князь готов к войне и обсуждает её наряду с другими государственными делами, но похвально поддерживает мир с соседними правителями. Таким, по-видимому, было «правильное» поведение хорошего князя.

В «Сказании о Борисе и Глебе» так описано последнее обращение уже смертельно раненого князя Бориса к посланным его братом Святополком убийцам: «Нѣ ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братьемъ моимъ. И не постави имъ, Господи, грѣха сего, нѣ прими въ миръ душу мою. Аминь». И възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицемъ, и въсь слъзами обливъся рече: «Братие, приступивъше, съконъчайте службу вашу. И буди миръ

брату моему и вамъ, братие» [44, С. 49; 35, С. 336-338; 14; 26, С. 197-198]. В изложении книжника редкое, исключительное смирение князя Бориса, глубоко почитающего принцип братской любви, и завершающего свою жизнь словами о мире как о прощении, Божьем благословении, рисует картину, в духовном плане предельно заостряющую противоречия социально-политических устремлений князя, стремящегося к миру, и его брата-антагониста.

Владимир Мономах (1053-1125), составивший «Поучение» для своих сыновей около 1117 г., несколько раз упоминает «мир» и «рать» [22, С. 98-102; 26, С. 116-117; 18, С. 243-250; 6, С. 187; 9, С. 61, 65-66].

Поучение начинается с описания почти рутинного, но важного для князя события: послы от братьев-князей просили его принять участие в походе на владения Ростиславичей. Владимир Мономах отказался, при этом упомянув этическую невозможность для себя нарушить крестное целование. После переговоров с послами князь обратился к чтению Псалтыри и обдумыванию прочитанного [32, С. 111-112]. По мнению Р. Пиккио, это был отказ во имя принципа, уже освященного кровью князя Бориса, то есть принципа соблюдения мира и отказа от вражды с братьями [25, С. 65, 73; 35, С. 338-339].

В прочитанных тогда Мономахом строках Псалтыри речь идет о мире: «Кротции же наслѣдять землю, наслаждаться на множествѣ мира», и затем «Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка» [12, С. 456-459; Пс. 36:11; Пс. 36:27]. В этих цитатах содержится проповедь кротости как пути к миру и мысль о достижении вечной жизни через избегание зла, добрые дела, требование и обретение мира.

Далее в рассказе о своей жизни князь вспоминает: «И мировъ есмъ створилъ с половецьскими князи безъ одного 20» [12, С. 468]. У Мономаха мир выступает как несомненное благо.

В письме к Олегу Святославичу, включенном в состав «Поучения», вновь обращаясь к сложностям построения крепких и доброжелательных отношений с братьями-князьями, Владимир Мономах напоминает о том, что «То бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженыхъ отцихъ нашихъ. Дьяволь бо не хочет добра роду челоувѣческому, сваживает ны» [12, С. 472-473]. «Рать» представляется здесь как дело злое, уже случившееся при жизни прошлых поколений, причиной которому становятся козни дьявола. Даже «хорошие» и разумные князья не могут полностью избежать этого зла. По наблюдению А.В. Лаушкина, такое резкое осуждение «рати» соотносилось летописцами с исключительными случаями конфликтов, осложненныхотягчающими обстоятельствами. В отношении тех усобиц, которые не сопровождались сговорами и отповедями летописцев, можно говорить о восприятии через систему представлений о «Божьем суде» [20; 21].

Но одновременно война – это достойное дело, которое следует выполнять со всей ответственностью. В наставлениях князя появляется и образ «рати» как рядовой, предсказуемой опасности, преодолеть страх перед которой помогают чувство долга и вера в Бога: «Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како Вы Богъ подаст. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаеся, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѣно» [12, С. 470-471].

В Ипатьевской летописи в погодных статьях под 6656 (1148/1149) и под 6659 (1151/1152) гг. приводятся посольские речи, содержащие выражение «миръ стоит до рати, а рать до мира» [30, Т. 2, Стб. 364, 444]. Посольство 1148/1149 г. было отправлено от Владимира и Изяслава Давыдовичей, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича к киевскому князю Изяславу Мстиславичу в ходе междоусобной войны с предложением переговоров о мире. Посольство 1151/1152 г. было отправлено от Святослава Ольговича к Изяславу Давыдовичу в Чернигов и предлагало провести мирный раздел Черниговской земли по отчинному принципу, то есть не нарушать мир [16, С. 116]. Их посольским речам посвящена статья Я.Н. Щапова «Миръ стоит до рати, а рать до мира», в которой историк прослеживает происхождение формулы «миръ стоит до рати, а рать до мира», ее политический смысл, выдвигает предположение о том, что ее автором является боярин Петр Бориславич [46, С. 92-95].

По мнению Я.Н. Щапова, формула «миръ стоит до рати, а рать до мира» может быть интерпретирована как отсылка к древнему принципу, который учитывает «спонтанность, нерегулируемость традиционного перехода от мирного состояния к войне и наоборот». В известии 1148/1149 г. историк усматривает противопоставление старому принципу более прочного, связанного с осмыслением тяжести и погибельности войны и для княжеского рода. В известии 1151/1152 г. он отмечает в посольской речи указание на обстоятельство родства братьев-князей, подкрепляющее предложение соблюдать мир и установить союзнические отношения при разделе земель [45, С. 17].

Учитывая всего лишь двукратное повторение рассматриваемого выражения, сложно согласиться с его обозначением как устоявшейся «формулы». Уместнее считать фразу «миръ стоит до рати, а рать до мира» переходной разновидностью от риторического оборота посольских речей к формуле. В рассматриваемой фразе отмечаются четкое разделение двух состояний общества, напоминание о непрочности мира и о конечности войны. Приведенное в начале посольской речи, это утверждение подводит читателя к мысли о важности выбора между «миром» и «ратью».

Косвенно переводные памятники литературы и богослужебные тексты свидетельствуют о культурных связях, которые давали древнерусским книжникам возможности соотнести собственные представления о «мире» и «ратии» с подобными понятиями в культуре других государственных образований.

После принятия христианства в X в. на Руси началось усвоение культурного наследия восточно-христианских стран через богослужебные книги и литературные памятники [43, 192-193]. В том числе этим путем попали к читателям и памятники византийского происхождения. В Древней Руси предпринимались и самостоятельные переводы византийских текстов [1; 25, С. 40-53]. Возникли центры переписывания книг, способствовавшие распространению книжности [40, С. 38-41].

Одним из перенесенных на Русь литературных памятников был сборник «Тринадцать слов Григория Богослова». Григорий Богослов (Назианзин) создал свои проповеди в период 362/364 – 383/385 гг. (предположения исследователей о датах разнятся), находясь сначала в Константинополе, а затем в Каппадокии [7, С. 75-78]. Сборник дошел в восточнославянском списке XI в. и других, более поздних списках. В свою очередь, этот сборник восходит к староболгарским переводам с греческого языка [24, С. 5-15; 7]. В нем содержится избранная часть проповедей Григория Богослова. По мнению исследователей, текст старославянского перевода Григория Богослова многократно цитируется в Изборнике Святослава 1073 г. [3, С. 49-50; 7, С. 117; 15, С. 31-40; 41, С. 194-196; 42, С. 321-322; 4, С. 246; 13, С. 59].

В третьем «слове» сборника - гомилии, посвященной празднику Крещения, - автор затрагивает перед слушателями тему превратностей жизни, и упоминает о войне: «И съти егда врѣма, и събирати же, и раздѣляти житица, егда семоу година, и сади по всѣ часы. И да обрѣжеться тебѣ гроздь зръѣль, и възводи оупъвавъ веснѣ, и възводи корабль – паки приходящи зимѣ, и мореви мѣтащюся. И рати врѣма дати бждеть, и мироу, и женитвѣ, и женьствѣ любви, разлчжение, аще ти бждеть и то трѣбѣ, и въсемоу иномоу дѣанию, аще есть соломоуу вѣровати. Вѣровати же, оуспѣшно бо поучение. Нѣ присно спѣ съдѣловаи, и всѣ година да ти бждитъ крыштению», и далее «Колико о тебѣ бѣда! Колико надеждаа напасти! Или рать бо погоуби и, или тржъшь земьнѣ и посыплеть и, или море възьметъ, или звѣрь възхытитъ, или неджгъ погоубить...» [8, С. 82].

Григорий Богослов говорит о возможности при любом занятии, в том числе и во время войны, и во время мира, совершать шаги к спасению, после чего обращает внимание слушателей на то, что деятельная жизнь полна и грозящих опасностей.

В Минейном стихираре XII в. встречаются выражения, в которых стоят рядом два слова, обозначающие «мир» – согласие либо отсутствие войн, и «мир» – человечество.

«Сам [Мамант] ся жертвою благопріютноу. христу принесе моучению ради. и дързновение имѣа к нему. мира мирови просить. и доушамъ нашимъ велию милость» [31, Т.1, С. 32].

Речь идет о молитвах св. Маманта, в которых он просил Христа о мире для мира и о великой милости для христианских душ. Идеал мирового согласия, таким образом, связывается с милостью, прощением душ.

«Тѣмъ не прѣстаи молася за миръ всего мира и за христоролюбивааго княза нашего» [31, Т.1, С. 78, 80].

Здесь в стихире мученику Никите говорится о непрестанном молении «за мир всего мира и за нашего христоролюбивого князя». Таким образом, молитвы за христоролюбивого князя подразумеваются столь же важными в духовном отношении, что и молитвы за мир и согласие мира.

В обеих цитатах угадываются слова из произносимой священником в ходе литургии заамвонной молитвы, известной по древнерусскому служебнику XIV в., - «миръ миру своему послѣ» [2, С. 73].

Минейный стихирарь - переводной памятник гимнографии, в основе которого лежит греческий протограф. До наших дней сохранилось 9 списков XII-XIII вв., что говорит о значении богослужения для повседневной жизни в Древней Руси [31, Т. 3, С. 3-7, 268-269].

Рассмотренные особенности упоминаний «мира» и «рати» позволяют предположить, что уже в X в. в Древней Руси стало известно представление о «мире» как о результате дипломатических действий воюющих сторон, при обоюдном стремлении к завершению войны на взаимно приемлемых условиях, представление о возможности возобновления переговоров в ходе войны, в частности, если ранее некий «мир» уже заключался, и о возможности предотвращения конфликта путем заключения мирного соглашения.

После распространения на Руси христианства мир/невойна стал пониматься как большая ценность, помогающая обрести милость Бога, вечную жизнь. Образ «хорошего» князя включал заботу о достижении и соблюдении мира с соседями. «Рать» иногда упоминалась как общественное бедствие, причина которого – происки дьявола [20, С. 68-69]. При этом размышления о «рати» вместе с дружиной, и участие в ней по необходимости могли пониматься как княжеский долг.

Параллельные упоминания «мира» и «рати» в летописании говорят о том, что эти понятия воспринимались как два противоположных, но взаимосвязанных состояния общества. Княжеская власть при этом осмыслялась как возможность смены одного состояния другим, начала «рати» или заключения «мира».

Библиография

1. Алексеев А.А. Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // Труды Отдела древнерусской литературы. 1996. Т. 49. С. 278-296.
2. Афанасьева Т.И. Заамвонные молитвы в Синайском глаголическом миссале XI в. и в славянских служебниках XIII – XV вв. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2011. №3. С. 65-76.
3. Баранкова Г.С. Отрывки из сочинений Григория Богослова в Изборнике Святослава 1073 года // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 1990. Год 14. Кн. 3. С. 49-56.
4. Бибиков М.В. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М.: Памятники исторической мысли, 1996. 403 с.
5. Бибиков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №1 (19). С. 5-15.
6. Боровков Д.В. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М.: Ломоносовъ, 2015. 240 с. (История. География. Этнография).
7. Бруни А.М. Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина. Т. I. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. 288 с. (Россия и Христианский Восток. Библиотека; Вып. 9).
8. Будилович А.С. XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной Библиотеки XI в. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1875 г. 285 с.

9. Будовниц И.У. «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // Труды Отдела древнерусской литературы. 1954. Т. 10. С. 44-75.

10. Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII в. М.: Квадрига, 2009. 408 с.

11. Виноградова В.Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 5 (Р-С). Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. 264 с.

12. Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 456-476.

13. Державин Н.С. История Болгарии. Т. II. Болгария времени первого и второго царств (679-1393). М., Л.: Издательство АН СССР, 1946. 161 с., 9 л. схем.

14. Дмитриев Л.А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 398-408.

15. Жуковская Л.П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 года // Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание в 2-х томах. Т. 2. М.: Книга, 1983. С. 31-40.

16. Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII вв.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009. 226 с. + карты.

17. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II-III. М.: Наука, 1991. 832 с.

18. Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. 386 с.: ил. (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 74).

19. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. М.: Наука, 1996. 263 [2] с.

20. Лаушкин А.В. Темная подоплека княжеских усобиц в летописных известиях XI–XIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. Т. 45, № 3. С. 68–69.

21. Лаушкин А.В. Усобица как Божий суд на страницах древнерусских летописей XI-XIII вв. // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2011. С. 159-163.

22. Лихачев Д.С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 98-102.

23. Мельникова Е.А. На перекрестье язычества и христианства: клятвы мира на Руси и в Исландии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. Отв. ред. тома Е.В. Литовских, Е.А. Мельникова. М.: ГАУГН-Пресс, 2022. С.109-126.

24. Молдован А.М. О составе сборника 13 слов Григория Богослова // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 202-2013. М.: Древлехранилище, 2013. С. 5-15.

25. Пиккио Р. Древнерусская литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. 352 с. (Studia Philologica).

26. Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб.: Издательство Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. 384 с.

27. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

28. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 т. Т. IV. М.: В типографии Л. Степановой, 1850. 450 с.

29. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 т. Т. VII. М.: В типографии Л. Степановой, 1856. 483 с.

30. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.
31. Пузина М.А. Крысько В.Б. Славянский Минейный стихирарь (по рукописям XII – XIII вв.). Т. 1-3. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2022.
32. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2013. 224 с. (История. География. Этнография).
33. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси : IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 358 с.
34. Сергеевич В.И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1867. 414 с.
35. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 328-351.
36. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 9 (М). М.: Наука, 1982. 357 с.
37. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться – Рященко). М.: Наука, 1997. 298 с.
38. Стефанович П.С. Дань мира деля – что это значит // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 127-128.
39. Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. 2011. № 12 (22). С. 5-35.
40. Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI – XVI вв.). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 448 с. : ил.
41. Творогов О.В. Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 194–196.
42. Творогов О.В., Столярова Л.В. Изборник 1073 г. Изборник Святослава // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2017. С. 321-322.
43. Турилов А.А. Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности) // Славянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 192-198.
44. Успенский сборник XII-XIII вв. М.: Наука, 1971. 754 с., 7 л. факс.
45. Щапов Я.Н. Идеи мира в русском летописании XI-XIII веков // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической жизни России. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997. С. 11-22.
46. Щапов Я.Н. «Мир стоит до рати, а рать до мира» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1. XI – XVI века. М.: [б. и.], 1989. С. 92-95.

REPRESENTATIONS OF “PEACE” AND “WAR” IN PRE-MONGOLIAN RUS'

Chasovitina O.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article traces the early history of ideas about “peace” and “war” as a mutually conditioned pair of concepts “peace” – “war”. Based on the material of the key monuments of ancient Russian literature and chronicles, the features that characterize these ideas as an important component of the political and spiritual culture of their time are highlighted.

Key words: Ancient Rus', ancient Russian literature, military culture, Vladimir Monomakh, Gregory the Theologian, patristics, Byzantine theology.